

А.М. ОРЕХОВ

«ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ СОЦИАЛЬНЫМ ТЕОРЕТИКОМ?»: ОПЫТ ВВЕДЕНИЯ В СОЦИОЛОГИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

«Цель внутренней борьбы за научный авторитет в поле социальных наук, то есть за право производить, навязывать и внушать легитимное видение социального мира, является одной из целей борьбы между классами в политическом поле»
Пьер Бурдьё

Аннотация: В статье обсуждаются проблемы социологии социальной теории, и, в частности, вопрос о социальных (социологических) корнях социального теоретизирования. Автором подчеркивается, что спрос на социальную теорию может быть неустойчивым и колебаться в различные исторические периоды. Социальная теория как социальный институт детерминруется целой группой различных факторов: географическими (региональными), стратификационными, идеологическими, кратологическими и иными. Бюрократическое и идеологическое давление на социального теоретика также необходимо брать в расчет во всех имеющихся случаях.

Abstract: The paper discusses the problems of sociology of social theory, and, particularly, the question on social (sociological) roots of social theorizing. The author stresses that the demand for social theory can be unstable and fluctuating in different historical stages. Social theory as social institution is determined by a group of different factors: geographical (regional), stratifying, ideological, kratological and others. It is necessary to take into consideration the bureaucratic and ideological pressure on a social theorist.

Ключевые слова: социология, социальная теория, социальные науки.

Keywords: sociology, social theory, social sciences.

Орехов Андрей Михайлович – доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии РУДН, ученый секретарь Межвузовского центра социальной теории РУДН (Москва). E-mail: orekhovandrey@mail.ru.

Развитие социальной теории в России *уже можно и нужно* исследовать методами социологии науки. Как известно, в социологии науки социальными науками занимается *социология социальных наук*¹, — направление, пребывающее ныне скорее в стадии эмбриона, чем в стадии «взрослой», «зрелой» науки. Немногочисленность публикаций по социологии социальных наук просто удивляет²: вероятно, подавляющее большинство социологов твердо стоят на том, что всё, что относится в целом к социологии науки, можно без всяких обиняков применить к социологии социальных наук, — тогда зачем вообще выделять это направление исследование как *особенное и специфическое*? Что такого есть в социальных науках, чтобы они заслуживали отдельного познавательного *социологического* интереса?

Мы же уверены в обратном: социология социальных наук имеет много специфичного и несхожего с социологией естественных и технических наук; в ней *изначально обозначают себя проблемы*, которых нет в традиционной социологии науки, — где главным объектом исследования являются естественные и технические науки. На примере развития *социологии социальной теории в России* мы попробуем доказать, почему дело обстоит именно так.

Но сначала о том, что мы понимаем под «социальной теорией».

Термин «социальная теория» может иметь пять основных значений: 1) «социальная теория» как *социально-философская теория*; 2) «социальная теория» как *социологическая теория*; 3) «социальная теория» как *любая теория в исследовательском поле социальных наук*; 4) «социальная теория» как *теория социальной работы и теория социальной сферы*; 5) «социальная теория» как *междисциплинарная, синтетическая теория, обобщающая основные теоретические результаты, достигнутые социальными науками*. Из всех их нам наиболее адекватным и продуктивным в использовании представляется последнее, пятое значение: социальная теория — это междисциплинарное, синтетическое знание, суммирующее все основные теоретические результаты, достигнутые социальными науками и конструиру-

¹ О нашем различении концептов «социальная наука» и «гуманитарная наука», а также концептов «социальная теория» и «гуманитарная теория» см.: Орехов А.М. Социальное versus гуманитарное: от фактов к теории и методологии // Личность. Культура. Общество. — Т. XIII. — 2011. — Вып. 4 (67–68).

² Напр.: Бурдые П. Социология под вопросом. — М., 2005; Wagner P., Wittrock B. Analyzing Social Sciences: On the Possibility of a Sociology of the Social Sciences // *Discourses on Society: The Shaping of the Social Sciences Disciplines*. — Dordrecht, 1994; Качанов Ю.Л. Социология социологии: антитезисы. — СПб., 2001; Орехов А.М. Социология социальных наук: к становлению нового направления исследований // Вестник РУДН (серия «Социология»). — 2011. — № 4.

ющее на этом фундаменте базовые теоретические концепты, предназначенные для изучения всей социальной реальности³.

Весьма важным является также вопрос о структуре социальной теории. С нашей точки зрения, социальная теория должна включать в себя четыре элемента: 1) «концептуальное ядро» («элементы» из которых складывается социальная теория); 2) «магнитный пояс» (теоретические концепты, направленные на исследование и критику других, «конкурентных» социальных теорий); 3) методология социальной теории; 4) социология социальной теории.

Как видно из вышесказанного, социология социальной теории, как дисциплина, в которой социальные теоретики рефлексуют относительно самих себя, пытаясь проследить, какие социальные причины вызывают к жизни конструирование и разработку социальных теорий, а также рожают в обществе спрос на них, — является неотъемлемой частью самой социальной теории. Но естественно и другое: *социология социальной теории* логически вырастает из *социологии социальных наук* в целом. Это направление, как мы уже отмечали, ставит себе целью исследование социальных наук как специфического социального института, имеющего свои основания в самом обществе. Подобные основания, по мнению социологии социальных наук, должны оказывать глубокое влияние на формирование и структуру социальных наук в целом, — причем во всех аспектах: политическом, экономическом, тендерном, культурологическом и т.п. С другой стороны, здесь имеется и обратная связь: социальные науки сами оказывают влияние на социальные институты общества, изменяя их в каком-либо направлении (например, марксистская социальная наука систематически претворяла в жизнь этот принцип в СССР).

Именно это взаимное воздействие друг на друга общества и социальных наук и находится в центре исследовательского внимания социологии социальных наук. Здесь наиболее близкой союзницей для этого социологического направления является *философия и методология социальных наук*, которая также акцентирует свой научный интерес на взаимодействии общества и социальной науки, но, прежде всего, со стороны изменения логико-понятийной структуры самой науки. Социология социальных наук, напротив, фокусирует свое исследовательское внимание на *изменениях общества* под воздействием социальных наук и на *изменениях социальной стороны* социальной науки, т.е. изменениях в социаль-

³ Орехов А.М. Социальная теория: к проблеме самоопределения и структуры // Личность. Культура. Общество. Т. VIII. — 2006. — Вып. 4 (32).

ной стратификации, идеологических пристрастиях, социальной идентификации и т.п.⁴.

Обращение российских ученых к проблемам социальной теории в последнее десятилетие не оказалось случайным. Как показывает социология социальных наук, в определении стратегических целей научного исследования всегда очень важно найти «точку прорыва» (англ. breakthrough), прочувствовать, где, в каком месте «фронтира» — границы между знанием и незнанием *возможно в минимальные сроки получить новое социальное знание*. Современные западные ученые, хотя и широко используют термин «социальная теория» во всех пяти его смыслах, тем не менее, мало, на наш взгляд, уделяют внимание *методологическим аспектам* формирования социально-теоретического знания. А методологические аспекты здесь не менее важны, чем аспекты теоретические: современный социальный теоретик должен не только уметь выдавать «на-гора» собственные оригинальные социальные теории, но должен уметь проводить грамотный методологический дискурс — относительно как собственных, так и чужих социальных теорий. Социально-теоретическое знание — ныне знание *не только и даже ни сколько теоретическое, сколько методологическое*: в этом заключается один из парадоксов развития современной социальной теории. Социальному теоретику, по его статусу, полагается не только конструировать социальную теорию, но и знать, *как конструировать социальную теорию*, т.е. знать *методологию* ее конструирования.

Но все же *первый вопрос* социологии социальной теории должен быть следующим: зачем нужна вообще социальная теория как *социальный институт*? Испытывает ли общество потребность в *глобальной социальной теории* или ему достаточно будет социальной теории, так сказать, «среднего уровня»?

На первый взгляд, ответ на этот вопрос должен быть строго однозначным и строго положительным: *да, обществу, — если под последним понимать «демократическое, инновационное, открытое и прогрессивное общество», — бесспорно, нужна общая глобальная социальная теория, поскольку именно такая теория способна дать наиболее полную и точную картину общества, — картину общества с точки зрения всех социальных дисциплин.*

Но дело обстоит не так просто. В любом обществе присутствуют различные точки зрения, борьба и конкуренция различных стратов и элит; власть этих стратов или элит в один прекрасный может стать «монопольной» и предъявить «социальный заказ» лишь на определенный тип социальной теории или даже объявить о том, что такая теория вообще не нуж-

⁴ См. подробнее: *Орехов А.М.* Социология социальных наук: к становлению нового направления исследований...

на; наконец, правящая элита может «обласкать» одну какую-либо социальную науку и «загнать в угол» все остальные социальные дисциплины; наконец, не следует забывать о «конкуренции» различных социальных наук между собой и о конкуренции теоретиков и эмпириков внутри одной социальной дисциплины, и все это вместе взятое, говорит о том, что спрос, предъявляемый на общую глобальную социальную теорию, *может быть неустойчивым и колебаться в различные исторические периоды*. Следовательно, и «предложение» социальной теории со стороны социальных теоретиков также бывает дифференцированным во времени: в одни исторические эпохи оно может быть большим, в другие – меньшим.

Но какие же факторы оказывают здесь влияние? Или поставим вопрос иначе: кто и почему занимается конструированием социальных теорий? Откуда, из каких *метафизических далей*, приходят к нам социальные теоретики, и что их побуждает в тот или иной исторический период заниматься созданием социальных теорий?

Во-первых, сразу следует отметить, что конструирование социальных теорий – предмет заботы исключительно смелых и самолюбивых социальных ученых, способных рисковать и даже поставить под удар свою репутацию в науке:

«Теоретические исследования, отличающиеся новизной и честолюбием, – рискованное предприятие, в котором не добьются успеха люди с заниженной самооценкой. И требуется не только честолюбие, но в известной степени уверенность в себе, чтобы считать, что ты способен создать теорию, сопоставимую с теориями, созданными великими умами до тебя. Короче говоря, здесь требуется определенного уровня “теоретическое самомнение”»⁵.

Одновременно (и это будет «во-вторых») следует отметить, что создание новой социальной теории вызывается в значительной степени естественным стремлением ученого повысить свой статус в социальной науке, увеличить свой социальный капитал, заявить о себе научному сообществу как о крупном социальном теоретике и т.п. В итоге, как отмечал Р. Коллинз:

«Ученые маневрируют в целях инвестиций своего интеллектуального капитала для получения большего признания, и, таким образом, получают должности и материальные ресурсы, которые могут использоваться для производства последующих научных идей. Культурный рынок и экономический рынок задействованы для производства научных идей в системе, отмеченной ритуальной солидарностью, а также господством и конфликтом»⁶.

⁵ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. – СПб., 2003. – С. 208.

⁶ Коллинз Р. Четыре социологических традиции. – М., 2009. – С. 246.

Или, в качестве еще одного примера, можно привести крайне резкую оценку *некоторых* современных социальных теорий (Гидденса, Бурдьё, Лумана и т.п.) со стороны Н.Б. Отрешко, — которая полагает, что одной из причин создания таких теорий как раз и является попытка повысить свой личный статус как *социального теоретика* в среде социальных ученых:

«Вместо ориентации в социальном пространстве созданные на основании таких неясных теорий картины социального мира скорее выполняют функцию дезориентации для образованных социальных групп, которые начинают все больше и больше увлекаться игрой в понятия и концепты и в меньшей мере обращаются к анализу социальной реальности. Такая академическая «большая теория» изначально позиционировала себя как противостоящая теориям среднего ранга. В академической среде это позволило теоретикам занять, с их точки зрения, более высокие статусные позиции, чем эмпирикам и социальным технологам»⁷.

В-третьих, опять же встает проблема «заказа» и «социального заказа»⁸. Конструирование новой (оригинальной) социальной теории может вызывать *идеологическими* потребностями различных социальных образований: ее может, к примеру, требовать для себя класс («пролетариат» в случае К. Маркса), нация, государство, социальная группа («технократы» в случае О. Конта, «интеллектуалы» в случае П. Бурдьё, Э. Гидденса и Н. - Лумана) и т.п.

В-четвертых, это проблема уже не «социального заказа» и, скажем так, «заказа методологического» — «заказа» со стороны методологии развития социальных наук и социального знания.

Очевидно, что на определенном этапе своего развития общество в целом, — вследствие глобального развития социального знания, — начинает испытывать потребность в том, чтобы имелись субъекты, которые бы выполняли синтетическую, интегративную, обобщающую функцию в отношении социального знания, — оппозиционную процессам дифференциации последнего. Скажем так: это *методологический аспект* заказа на социальную теорию и социальных теоретиков, а основным «субъектом» такого заказа выступают все социальные науки и весь мир социальных ученых, производящих социальное знание.

⁷ Отрешко Н.Б. Трансформация эпистемологических оснований социологии: субъект, метод познания, картина социального мира. — Киев, 2009. — С. 64.

⁸ Поясним заодно, что мы понимаем под «социальным заказом»: социальный заказ — это исходящее от государства или лоббируемое какими-либо политическими силами требование к социально-гуманитарным наукам и социальным ученым поддерживать и оправдывать определенную политическую или социально-экономическую концепцию, а также практические действия, исходящие из данной концепции.

В итоге, мы бы не стали сводить причины появления социальной теории и социальных теоретиков только к одному из перечисленных факторов; все четыре указанных фактора (психологический, стратификационный, идеологический и методологический) каждый по-своему и каждый по-разному способствуют появлению социальных теоретиков и социальной теории, и дальнейшей институализации социальной теории в поле социальных наук.

Но это только одна часть проблемы. Предположим, некая социальная теория появилась в поле зрения социальных ученых и стала предметом обсуждения с их стороны, но пока совершенно неясно, каковы перспективы ее дальнейшей апробации и продвижения в целом в мире социального знания? Оставляя в стороне *эпистемологические факторы*, влияющие на этот процесс, мы в своем ответе на поставленный вопрос должны сконцентрироваться исключительно на *социологических (социальных) факторах*, поскольку именно они являются предметом приложения социологии социальной теории.

Самый общий ответ здесь будет следующий: для того, чтобы продвинуть себя в поле социального знания, всякая социальная теория должна заявить о себе как о «*сильной*» социальной теории, а те теории, которые не окажутся способны это сделать, останутся при статусе «*слабых*» социальных теорий.

Понятие «*сильная* социальная теория» и понятие «*слабая* социальная теория» отсылают нас к понятиям «сильная социальная наука» и «слабая социальная наука», которые мы ввели в одной из наших работ:

«“Сильная” социальная наука (в регионе или в мире) — это наука, чьи представители занимают лидирующее положение в процессе производства социального научного знания. “Слабая” социальная наука (в регионе в мире) — это наука, представители которой являются аутсайдерами в производства научного знания в мире социальных наук»⁹.

В связи с этим нами также было уточнен и концепт «сила науки»:

«“Сила науки” — это способность науки решать различные исследовательские проблемы, а также способность навязывать схемы этих решений другим социальным институтам, вырабатывающим знания. В региональном (географическом) аспекте «сила науки» означает потенциальную возможность ученых данного региона навязывать свои схемы решения исследовательских проблем ученым других регионов, оставляя за последними большей частью эмпирические исследования»¹⁰.

⁹ См.: Орехов А.М. «Сильная» и «слабая» социальная наука: взгляд сквозь призму российских реалий // Вестник РУДН (серия «Социология»). — 2013. — № 3. — С. 5-6.

¹⁰ Там же. — С. 6.

Введем аналогичные понятия — «*сильная* социальная теория» и «*слабая* социальная теория»: *сильная* социальная теория (в регионе или в мире) — это социальная теория, чьи представители занимают лидирующее положение в процессе производства социально-теоретического знания; *слабая* социальная теория (в регионе в мире) — это социальная теория, представители которой являются аутсайдерами в производстве социально-теоретического знания и вынуждены (несмотря на то, что сами являются социальными теоретиками) в конструировании своих социальных теорий большей частью опираться на авторитетные высказывания *сильных* социальных теоретиков.

И еще один важный концепт «*сила* социальной теории»: сила социальной теории — это способность социальной теории решать различные исследовательские проблемы, а также способность навязывать схемы этих решений другим социальным институтам, вырабатывающим знания. В региональном (географическом) аспекте «сила социальной теории» означает потенциальную возможность теоретикам данного региона навязывать свои схемы решения исследовательских проблем теоретикам других регионов.

Опять же, не рассматривая вопрос об *эпистемологической силе* каждой конкретной социальной теории, обратим наше внимание на *социологическую составляющую* этой «силы». А конституируется эта *социологическая составляющая*, на наш взгляд, несколькими взаимосвязанными друг с другом факторами: географическим, стратификационным, гендерным, кратологическим (властным) и т.п.

Начнем с географического фактора: социальная теория в мире социальных наук разделена географически, пространственно — на «западную» и «восточную» (по терминологии Р. Коннел, «северную» и «южную»¹¹); «европейскую», «североамериканскую», «российскую», «африканскую», «азиатскую» и т.п. Не вдаваясь в дальнейшие аспекты этого разделения, обратим внимание только на один факт: в качестве «сильной» социальной теории выступает только одна ветвь, один куст этой теории — «западная» или «северная»¹². Доминирование «западной» социальной теории есть одно из следствий доминирования «западной» социальной науки в целом; социологически такое доминирование подкрепляется индустриальной и технологической мощью всей западной цивилизации¹³.

¹¹ См.: Коннел Р. Политическая география общей социальной теории // Вопросы социальной теории. — Т. III. — Вып. 1 (3).

¹² Иногда также говорят о доминировании «англо-американской» социальной теории, но это не совсем точно: в «западной» социальной теории представлена не только англо-американская ее ветвь, но и частично французская (П. Бурдьё, Ж. Бодрийяр, М. Фуко), немецкая (Ю. Хабермас, Н. Луман) и т.п.

¹³ Более подробно см.: Орехов А.М. «Сильная» и «слабая» социальная наука: взгляд сквозь призму российских реалий. — С. 7-8.

Следующий фактор – стратификационный: помимо разделения на «западную» и «восточную» социальную теорию, мировая социальная теория также разделена, стратифицирована и внутри себя, и здесь действуют «эффекты», общие для всей социальной науки. Например, «эффект университета»: чем выше статус университета, который представляет данный социальный теоретик, тем выше его личный статус и статус его теоретический публикаций. Еще один эффект – «эффект журнала»: чем выше престиж журнала, тем выше престиж социально-теоретической статьи, что в нем публикуется¹⁴.

Следующий эффект – хорошо изученный социологами «эффект Матфея». Он означает следующее: «ученые готовы преувеличивать достижения своих коллег, уже составивших себе имя благодаря тем или иным прежним заслугам, а достижения ученых, еще не получивших известности, они, как правило, преуменьшают или вообще не признают»¹⁵. Следовательно, *мы в подавляющем большинстве случаев придаем гораздо большее значение социально-теоретическим идеям, высказываемым известным (особенно – «западным») социальным теоретиком, и почти всегда априорно преуменьшаем значение социально-теоретических положений и концепций, разрабатываемых малоизвестным (например, российским) социальным теоретиком.*

Специалисты в области гендерных исследований дискутируют также вопрос об «эффекте Матильды»: пренебрежительном и соответственно *принижительном* отношении к достижениям женщинам-ученым со стороны ученых-мужчин. Вероятно, этот «эффект» можно распространить и на производство социально-теоретического знания: работы женщин-теоретиков удостоиваются меньшего внимания, чем работы теоретиков-мужчин, и им придается меньшее значение (особенно если «эффект Матильды» накладывается на региональное разделение «слабой» и «сильной» теории, а также на «эффект Матфея»). Очевидно, что перспективная и глубокая социально-теоретическая концепция, разработанная малоизвестной женщиной-ученым где-нибудь в России, удостоится *гораздо меньшего внимания* со стороны мирового научного сообщества, чем точно такая же, разработанная известным мужчиной-теоретиком в Европе или США.

Кратологический (властный) фактор тесно связан со стратификационным фактором и он вводит в наш анализ такое *архиважное* понятие как

¹⁴ В качестве примера: очевидно, что престиж статьи, публикуемой в центральном журнале (из списка ВАК) «Личность. Культура. Общество» будет изначально выше, чем престиж социально-теоретической статьи, публикуемой где-то в провинциальном и не-ВАКовском журнале.

¹⁵ Matthew R. The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property // *ISIS*. – 1988. – Vol. 79. – P. 609.

«власть в социальной теории». Действительно, мы имеем дело с здесь *реальной властью*, или это выражение лишь оксюморон, подменяющий собой понятие «авторитета в социальной теории»?

На первый взгляд, понятие «власти в социальной теории» — это чистый оксюморон, бессмыслица. Признавая в качестве «сильных» социальных теорий теории Гидденса, Бурдьё, Лумана или Хабермаса, мы опираемся исключительно на авторитет этих ученых как «сильных» социальных теоретиков, — причем делаем это свободно и без всякого внешнего принуждения. *Мы не подчиняемся при этом ни Гидденсу, ни Бурдьё, ни Луману, ни Хабермасу.* Наша воля как социальных теоретиков свободна, и не связана ни с какими обязательствами.

Однако таково лишь *идеальное*, или, скажем так, *должное* положение вещей, — причем как в социальной теории, так и во всей социальной науке. Последние ведь существуют не в некоем безвоздушном вакууме, *они существуют в обществе*, — в обществе, которое пронизано «внешними эффектами», «экстерналиями», — и, в первую очередь, идеологического и бюрократического порядка. Как мы уже говорили, господствующая идеология в данном обществе может, к примеру, *продвигать* в нем одну социальную теорию, и *зادвигать* другую. Произведения какого-нибудь крупного западного теоретика могут в силу разных причин не переводиться и не издаваться в России. А труды другого западного теоретика, наоборот, регулярно переводятся и издаются, и потому могут быть *рекомендованы* Министерством образования и науки для изучения российскими учеными. Власть бюрократии и власть идеологии в российских социальных науках — дело нешуточное и более чем серьезное, и почему мы должны считать, что она не распространяется в той или иной форме на социальную теорию? Другое дело, что это власть тонкая, хитрая и более всего напоминает даже не власть, а изощренную манипуляцию, включая использование концепта «социальная теория» для узкогрупповых (зачастую корыстных) идеолого-бюрократических задач и целей¹⁶.

¹⁶ Например, очевидно, что сообщество российских социальных теоретиков формализуется и переводится из состояния «невидимого колледжа» в определенные формальные структуры с заранее обозначенными целями. При этом возникает опасность бюрократизации данного сообщества, — особенно это касается структур сообщества, работающих на региональном уровне, — поскольку они гораздо сильнее могут быть «подняты» местной научной и административной элитой. Она может начать спускать нечто вроде «социального заказа» на «социальную теорию для...», понимая под этим реализацию собственных региональных (часто корыстных) целей и интересов. В качестве субъекта могут выступать сами администрации, партии («Единая Россия» и т.п.), политические движения. Естественно, в таком случае от социальной теории как научной дисциплины ничего не останется; она трансформируется в привычный набор идеологием для частного пользования.

Итак, что же мы имеем в результате, в «сухом остатке» относительно социологических (социальных) корней социальной теории?

Социальная теория как социальный институт детерминируется целой группой различных факторов: географическими (региональными), стратификационными, идеологическими, кратологическими и иными. *Спрос на социальную теорию* и соответственно *предложение социальной теории* со стороны социальных теоретиков корреспондируется не только методологическими «вызовами» социальному знанию, но и в значительной степени определяется имеющимися социальными и идеологическими стратификациями, — как в среде всех социальных ученых, так и в локальном сообществе социальных теоретиков. Здесь действуют все «эффекты», что можно наблюдать и во всей социальной науке («эффект Матфея», «эффект Матильды» и т.п.). Бюрократическое и идеологическое давление на социального теоретика также необходимо брать в расчет во всех имеющихся случаях.

Но и в заключение — одно общее пожелание. Российским социальным теоретикам необходимо также пытаться активно интегрироваться в мировое научное сообщество, пытаться завить о себе не международном уровне. Это поможет спасти их от изоляции, от замкнутости и от превращения российской социальной теории в «вещь-в-себе», предмет исключительно внутреннего пользования. Социальная теория как предмет их исследования должна быть доступна не только российской аудитории, но и всему мировому сообществу: в этом залог успеха всех их исследований в данной сфере знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Социология под вопросом. — М., 2005.
2. Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. — СПб., 2003.
3. Качанов Ю.Л. Социология социологии: антитезисы. — СПб., 2001.
4. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. — М., 2009.
5. Коннел Р. Политическая география общей социальной теории // Вопросы социальной теории. — Т. III. — Вып. 1 (3).
6. Орехов А.М. «Сильная» и «слабая» социальная наука: взгляд сквозь призму российских реалий // Вестник РУДН (серия «Социология»). — 2013. — № 3.
7. Орехов А.М. Социальная теория: к проблеме самоопределения и структуры // Личность. Культура. Общество. — 2006. — Т. VIII. — Вып. 4 (32).
8. Орехов А.М. Социальное versus гуманитарное: от фактов к теории и методологии // Личность. Культура. Общество. — 2011. — Т. XIII. — Вып. 4 (67-68).
9. Орехов А.М. Социология социальных наук: к становлению нового направления исследований // Вестник РУДН (серия «Социология»). — 2011. — № 4.
10. Отрешко Н.Б. Трансформация эпистемологических оснований социологии: субъект, метод познания, картина социального мира. — Киев, 2009. — С. 64.
11. Matthew R. The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property // *ISIS*. — 1988. — Vol. 79.
12. Wagner P., Wittrock B. Analyzing Social Sciences: On the Possibility of a Sociology of the Social Sciences // *Discourses on Society: The Shaping of the Social Sciences Disciplines*. — Dordrecht, 1994.